

Л. Д. Гутрина
Екатеринбург, Россия

ОТ ТЕКСТА — К ЛИЧНОСТИ АВТОРА: ПОСТИЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПИСАТЕЛЯ НА УРОКЕ («БЫЛИ ОЧИ ОСТРЕЕ ТОЧИМОЙ КОСЫ...» О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА)

Аннотация. Стихотворение О. Э. Мандельштама рассматривается в аспекте механизмов смыслообразования в поэтическом произведении; в качестве ключевых для данного стихотворения названы фонетические механизмы построения смысла, «стилевой конфликт», интертекстуальные взаимодействия стихотворения со «Словом о полку Игореве», поэзией XX века. Аргументируется позиция, что аналитическое рассмотрение стихотворения на уроке литературы в 11 классе может стать эффективным способом постижения творческой индивидуальности О. Э. Мандельштама и знакомства с судьбой поэта.

Ключевые слова: О. Э. Мандельштам, методика преподавания литературы в школе, изучение творческой индивидуальности писателя в школе.

L. D. Gutrina
Yekaterinburg, Russia

FROM THE TEXT — TO THE AUTHOR'S PERSONALITY: COMPREHENSION OF THE CREATIVE PERSONALITY OF THE WRITER IN THE LESSON («EYES WERE SHARPER SHARPEN SCYTHE...» BY O. E. MANDELSTAM)

Abstract. Mandelstam's poem considered in terms of the mechanisms of meaning in a poetic work, as a key part of the poem called phonetic mechanisms of constructing meaning, "stylistic conflict" intertextual interaction with the poem "Lay" the poetry of the 20th century. Position argues that the analytical examination of the poem on the literature lesson in grade 11 may be an effective way of understanding the creative personality O. E. Mandelstam and discover the fate of the poet.

Key words: O. E. Mandelstam, methods of teaching literature at school, learning the creative personality of the writer in school.

Стихотворение «Были очи острее точимой косы...», написанное О. Э. Мандельштамом в Воронеже 9 февраля 1937 года, может стать проводником в мир его поэзии и поэтики, началом знакомства с личностью Мандельштама на уроках в 11 классе. Основой урока может стать подход, предложенный С.П. Лавлинским: на первом этапе урока («этапе предпонимания») ребятам предлагается познакомиться со стихотворением и задать максимальное число вопросов по тексту, фиксирующих странности текста, его «темные места» [Лавлинский 2003: 116 — 117]. Альтернативу такому началу урока может составить и просьба учителя ответить на ряд вопросов: какие картины возникают перед вами, когда вы читаете или слушаете стихотворение? что в стихотворении кажется вам знакомым? что вызывает вопросы? какие вы замечаете повторы в тексте — на всех его уровнях? Практика преподавания показывает, что именно две эти тактики приводит ребят к открытию-потрясению, связанному с тем, как много, оказывается, скрывает четверостишие Мандельштама. Предлагаем некоторые наблюдения над стихотворением, чтобы определить возможные траектории его обсуждения на уроке.

1. Были очи острее точимой косы —
2. По зегзице в зенице и по капле росы, —
3. И едва научились они во весь рост

4. Различать одинокое множество звезд (269)¹.

Сначала — несколько свидетельств того, какой была атмосфера, в которой ссыльный поэт писал свое стихотворение. О.К. Кретьова, заместитель секретаря Союза писателей Воронежа, вспоминает: «С 36-го Мандельштаму стало очень худо. Не давали работать для радио, для театра, для печати» [Кретьова 1990: 39]. Г. Фрейдин уточняет: «Воронежский театр, который сперва предложил Мандельштаму немного подработать, и, что ещё серьезнее, воронежское отделение СП, обязанное следить за ним, перестали реагировать на его просьбы о работе и помощи. Особенно тяжело опальному поэту было смириться с возможностью потерять последние литературные связи с „Большой Землей“. Читая письма Мандельштама тех месяцев, особенно больно осознавать, что многие из его просьб не только о финансовой помощи или заступничестве, но и просто о признании факта его существования оставались без ответа» [Фрейдин 1993: 329]. Подчеркнем, что предлагать ребятам эту информацию в начале предлагаемого урока не стоит — так они будут изначально привязаны к эпохе и автору, нам же важно, чтобы открытие атмосферы эпохи 1930-х и специфика мандельштамовского взгляда на эпоху и место

¹ Стихотворения О.Э. Мандельштама цитируются по изданию: [Мандельштам 1995]. Номер страницы указан в скобках после цитаты.

в ней человека возникали именно в процессе разговора о стихотворении.

Центральный объект изображения в стихотворении — глаза, точнее — очи. «Очи» дважды повторено в 1 строке (очи — точимой), во 2 строке говорится о «зенице» (зрачке), в 3 строке местоимение «они» указывает на «очи», в 4 строке «око» «прячется» в слове «одинокое». То есть образ очей закрепляется в тексте фонетически. Наконец, и упомянутые звезды («одинокое множество звезд») тоже связаны со зрением, поскольку в романтической поэзии звезды — это очи неба.

Наблюдение за образом очей позволяет высказать гипотезу о конфликте стихотворения: есть человек (именно его очи показаны в стихотворении крупным планом), а есть многооконое небо, удаленное от человека, но, очевидно, по каким-то причинам ему необходимое в данный момент (человек устремил в небо глаза, поскольку очи «едва научились... различать... множество звезд»).

Метафорически очи сопоставляются с косой («очи острее точимой косы»). Острота косы здесь отнюдь не знак успешного сенокоса, хотя «капля росы» и актуализирует поговорку «Коси, коса, пока роса». Такие детали, как «капля росы» в «зенице» (то есть слеза), наречие «едва» в начале третьей строки вносят в стихотворение мотив несчастья, вследствие чего коса начинает восприниматься не как орудие, но как оружие, направленное на человека, — как смерть, косящая людей (образ, идущий из средневековой культуры). Зловещий лягз точимой косы слышится в звукописи зе — гзи — зе, а свист косы — в аллитерировании четверостишия звуком [с]: острее — косы — росы — весь рост — звёзд. Человек вступает в противостояние не только с огромным небом, но оказывается и один на один со смертью. Фонетические повторы в стихотворении делают актуальным для его художественного мира и образ ос — жалящих и опасных. К тому же, по мнению многих мандельштамоведов, «осы» Мандельштама свидетельствуют о том, что так поэт включает в поэзию свое собственное имя, рефлексируя и по поводу своей собственной собственной ситуации².

Острота очей контекстуально прочитывается как напряженное зрение, как вглядывание, всматривание, что, в частности, подчеркнута строкой «и едва научились они во весь рост». Кроме того, «капля росы», то есть слеза в зенице, тоже требует напряжения зрения — смотреть сквозь слезы тяжело. В результате анализа образов очей и косы приходим к пониманию того, что в стихотворении создан портрет плачущего человека, обратившего взгляд к небу и, вероятно, находящегося в ситуации какой-то опасности.

«Стилевой контраст», использованный в стихотворении, дает толчок рождению новых ассоциаций: сначала очи, а затем и зегзица в зенице на фоне нейтральных слов и разговорного оборота «во весь рост» привлекают к себе внимание. Безусловно, главным словом в этом ряду архаизмов является зегзица. «Полечу, — рече, — зегзицею по Дунаеви, Омочу багрян рукав в Каяле-реце, Утру князю кровавые раны На могучем его теле...», — этот фрагмент из «Слова о полку Игореве» в школьной аудитории кто-то один, но вспоминает. Архаизмы и «капля росы в зегзице» ведут к Ефросинье Ярославне, жене плененного князя Игоря, которая в плаче (вот на что указывает «капля росы» в зенице) просила природные стихии о спасении возлюбленного.

Второй женский образ, угадываемый в тексте, пришел в мандельштамовское стихотворение из поэзии почитаемого поэтом В.Хлебникова, о котором, в частности, Мандельштам писал: «А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную уму и сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература «Слова о полку Игореве» [Мандельштам 2000: 194]. Поразительно, что и в процитированном фрагменте 1922 года, и в стихотворении 1937 года «Слово...» и Хлебников стоят рядом, чем подчеркивается единство русской литературы и определенная схожесть исторических эпох. Так вот, звуковой повтор в стилистически выделенных словах «зегзи — зе» не может не напоминать знаменитое стихотворение «Бобэоби пелись губы...», где среди других деталей портрета («Так на холсте каких-то соответствий / Вне протяжения жило Лицо») изображена цепь: «Гзи-гзи-гзэо пелась цепь». Хотя по мысли М.И. Шапира, стихотворение рисует Лицо, вневременное и внепространственное, некий Лик [Шапир 1993: 307], нам кажется, есть основания воспринять портрет именно как женский — хотя бы за счет ощущения «струения» облика (струящегося платье?) и цепочки, украшающей женскую шею. Кстати, хлебниковская «цепь», оказавшись в контексте мандельштамовского стихотворения и вообще 1937 года, приобретает и зловещий оттенок — вспомним написанное месяцем раньше стихотворение «Я около Кольцова...» (260), герой которого сравнивает себя с закольцованной птицей; привязанный к ноге «сосновый синий бор» напоминает о цепях на ногах каторжан.

Вторая линия ассоциаций (которую на уроке вряд ли удастся рассмотреть), идущая от «зеницы», ведет к стихотворению «Твой зрачок в небесной корке...» (259), посвященному жене поэта, Надежде Яковлевне. Нейтральное «зрачок» и архаичное «зеница» — одно и то же, и тогда два стихотворения образуют своеобразный «складень», «двойчатку». Они объединяются не только через зрачок и

² Подробные о семантике образов пчел и ос у Мандельштама см., например, здесь: [Тарановский 2000].

око, — их сходство глубже: оно определяется *ситуацией всматривания, ожидания* («Твой зрачок..., обращенный вдаль...» — «научились... различать ...множество звезд») и *связью с молитвой*. В первом по времени стихотворении тема молитвы спрятана в финальную строку стиха — «умоляющий пока»; читая стихотворение «Были очи острее...», мы вспоминаем языческую молитву Ярославны.

Важно подчеркнуть и разницу стихотворений, образующих «складень». Во-первых, она состоит в типе лирического «я». В стихотворении «Твой зрачок...» перед нами, согласно классификации Б.О. Кормана [Корман 1993: 181, 183] и уточнениям Д.И. Черашней, исследовавшей субъектную структуру лирики Мандельштама [Черашняя 2003: 126], «личный автор-повествователь» — «я», дающее оценки, эмоционально реагирующее на описываемые события, обращающееся к собеседнику (см. обилие эпитетов к слову «зрачок», наличие восклицаний). В стихотворении «Были очи острее точимой косы...» тип субъекта — «безличный собственно автор» — лицо, растворенное в сообщении о мире, никак себя не проявляющее. Тип субъектной организации взаимосвязан с разрешением центральной лирической ситуации — ситуации ожидания и молитвы — в двух текстах. В стихотворении «Твой зрачок...» тот (та), к кому обращаются, запечатлен с умоляющим взглядом — взглядом «вдаль» (в небо) и «нищ» (символ смирения). Слова лирического субъекта из второй строфы («Омут ока удивленный — Кинь его вдогонку мне!») могут быть тогда восприняты как просьба говорящего о молитве во спасение («кинуть омут ока» — как бросить спасательный круг; см. об «ободе ока» в работе Б.А. Успенского [Успенский 1996: 316]). Данному разрешению лирической ситуации соответствует интенсивная эмоция, складывающаяся из чувства благодарности и надежды на благополучный исход.

В стихотворении «Были очи острее...» тон сдержанный, очищенный от эмоций, почти эпический. Очи женщины обращены к Небу, точнее, к небесным очам — звёздам. Известно, что в лирике Мандельштама, начиная с 1921 года «звёзды» и «небо», как правило, враждебны человеку (ср. «тверд сияла грубыми звездами», «...Тверд кишит червями, и ни одна звезда не говорит», «как стувившейся ночи намёк, роковая трепещет звезда» и др.). В «Стихах о неизвестном солдате», начало работы над которыми приходится как раз на февраль 1937 года, небо и звёзды прямо будут соотнесены с «воздушной могилой» (272). Звёзды в стихотворении о Ярославе — не что иное, как молчащая, безучастная к человеку злая воля, глухая к молитвам. Лексический оксюморон «одинокое множество (звезд)» подчеркивает отсутствие коммуникации между самими звездами, — значит, услышать женщину, зывающую с Земли, они точно не в состоянии. Мандель-

штам разрешает «сюжет Ярославны» предельно контрастно по отношению к первоисточнику, ведь молитвы жены князя Игоря были услышаны Ветром, Солнцем и Днепром. Попутно отметим, что «зегзица», по всей видимости, «залетела» в стихотворение Мандельштама «окольным путем» — через «Высокую болезнь» Б.Л. Пастернака (1930 — 1932); в стихотворении «Ты рядом, даль социализма...» Б.Л. Пастернак восторженно обращается к новой стране, предрекая ей бесслезное будущее: «Ты куришься сквозь дым теорий,/ страна вне сплетен и клевет... Ты — край, где женщины в Путивле/ Зегзицами не плачут впредь...» [Пастернак 1999: 228]. Книга «Второе рождение» Пастернака была опубликована небольшим тиражом в 1934 году, — к тому моменту Мандельштам уже написал знаменитое стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» и даже прочел его Пастернаку. Вероятнее всего, о стихотворении «Ты рядом, даль социализма...» Мандельштам знал еще до его публикации, и разительный контраст между его собственным видением происходившего в стране и позицией Пастернака не мог не оставить следа в его памяти.

Отчасти появление горчайшего стихотворения «Были очи острее точимой косы...» могут объяснить воспоминания Н. Я. Мандельштам; в связи со стихотворением «Я в львиный ров и крепость погружен...» (12 февраля 1937 г., 271) она пишет: «О. М. слушал по радио Марию Андерсен, гастролировавшую тогда в Москве...Но в этом стихотворении не только Мария Андерсен. В те же дни мы узнали, что певица-ленинградка, работавшая на радио, заболела... Кто-то шепнул, что она не больна, а у неё арестовали мужа, инженера, уже успевшего отсидеть немалый срок в лагерях. Мы пошли к ней, узнали подробности ареста. Она надеялась, что вторично муж в лагерь не попадет, его сошлют, она поедет за ним и всюду прокормится пением...» [Мандельштам 1990: 289]. Но даже если наше предположение относительно повода написания стихотворения «Были очи острее точимой косы...» неверно, то есть если 9 февраля Мандельштам ещё не знал о случившемся в семье певицы несчастье³, всё равно: газетные полосы с приговорами свидетельствовали, скольких ждут и скольких оплакивают Ярославны 1937 года. Наконец, собственная судьба поэта проецировалась на историю пленённого князя Игоря. Автор стихотворения «Были очи острее точимой косы...» видел, насколько принципиально иной является современная эпоха, и это осознание повлекло за собой сдержанность, скорбность тона этого трагического стихотворения.

Итак, ситуативно сходные стихотворения «Твой зрачок...» и «Были очи острее...», разделен-

³ О невозможности узнать точную дату радиотрансляции концертов М. Андерсен см., например, работу [Лангерак 2001: 103-104].

ные месяцем времени, демонстрируют два резко отличных отношения к происходящему: в первом — молитва дорогого человека и хрупкая, но надежда на спасение; во втором — молитва, которая не будет услышана.

В процессе урока по стихотворению «Были очи острее точимой косы...» ребятам открываются специфические черты творческой индивидуальности поэта: его тяготение к фонетическим механизмам выстраивания художественного смысла; умение воплотить конфликт через столкновение фонетических рядов; значимость для его поэзии культурных ассоциаций; сосредоточенность на больших проблемах своего времени. Работа со стихотворением Мандельштама помогает учителю органично вести рассказ о страницах нашей истории и о трагической судьбе самого поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Мандельштам О.Э. Полное собрание стихотворений. — СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. — 720 с.

Пастернак Б.Л. Стихотворения. — М. : Профиздат, 1999. — 400 с.

Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. — Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. — 235 с.

Кротова О. Горькие страницы памяти // Жизнь и творчество Мандельштама. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. — С. 36-42.

Лавлинский С.П. Технология литературного образования: коммуникативно-деятельностный подход. Учебное пособие для студентов-филологов. — М.: Прогресс-Традиция. Издательский дом «ИНФРА-М», 2003. — 384 с.

Лангерак Т. Поэт о музыке («Я в львиный ров и в крепость погружён...» О. Мандельштама) // Смерть и бессмертие поэта. — М. : РГГУ, 2001. — С. 101- 110.

Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930-1937 гг. // Жизнь и творчество Мандельштама. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. — С. 189 — 312.

Мандельштам О.Э. Проза поэта.- М. : Вагриус, 2000. — 224 с.

Тарановский К. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов // Тарановский К. О поэзии и поэтике / сост. М.Л. Гаспаров. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 123 — 164.

Фрейдин Г. Осип Мандельштам: История и Миф (1930-1938) // Русская литература XX века: исследования американских учёных. — СПб.: Петро-РИФ, 1993.- С. 302 — 362.

Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ / авт.-сост Д.И. Черашняя. — Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2003. — 1024 с.

Шанир М.И. О. «звукосимволизме» у раннего Хлебникова // Культура русского символизма: статьи, эссе и публикации. — М. : Наука, 1993. — С. 299-307.

Успенский Б.А. Анатомия метафоры у Мандельштама // Успенский Б.А. Избранные труды: в 3-х тт. Т.2. Язык и культура / Российский гуманитарный научный фонд (М.). 2-е изд., испр. и перераб. — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 306 — 343.

Данные об авторе:

Гутрина Лилия Дмитриевна — докторант кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: gutrina@bk.ru

About the author:

Gutrina Liliya Dmitrievna is a PhD in Modern Russian Literature Department in Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).